

Бросить бы все

«ИЗOTOV» АНДРЕЯ МОГУЧЕГО В АЛЕКСАНДРИНКЕ
предупреждает ДМИТРИЙ РЕНАНСКИЙ

ФИГУРАНТЫ СПЕКТАКЛЯ ПРЕДСТАЮТ
В НЕМАТЕРИАЛЬНОМ,
(БЕСПЛОТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ,)
НАМЕЧЕННОМ КОМПЬЮТЕРНОЙ
ГРАФИКОЙ АЛЕКСАНДРА ШИШКИНА

ЧЕТВЕРТЫЙ александринский спектакль Андрея Могучего был готов еще в мае, но тогда явление «Изотова» народу отложили до осени. Независимо от причин перенос на осень оказался стратегически верным: премьера пьесы одного из лидеров новой российской драмы в постановке петербургского режиссера номер один на главной городской сцене — событие также и ритуальное, продолжающее легитимацию современной драматургии. В прошлом сезоне худрук Александринки Валерий Фокин поставил другую новодраматическую пьесу, «Ксению» Вадима Леванова — правда, повышенный интерес к ней был вызван скорее тем, что в герои вывели православную святую. Случай «Изотова», от которого не ждут ничего конкретного, куда более выигрышный для тридцатидесятилетнего драматурга Михаила Дурненкова: после постановок в МХТ, Театре.Дос и «Практике» сотрудничество с Александринкой выглядит первым пиком его карьеры.

Для театра драмы им. Пушкина Дурненков переписывал пьесу, подгоняя ее под надобности режиссера и психофизику конкретных актеров. Год назад Андрей Могучий с Максимом Исаевым столь же лабораторно подошли к работе над «Садоводами», спектаклем, который прямо предшествует «Изотову» и хронологически, и стилистически. Немногочисленных зрителей «Садоводы» ошарашили разряженностью, рафинированностью, эстетством — и в то же время простотой, если не простодушием. За фасадом скрылся изощренный концепт и сгустилась театральность, отказ от привычной жесткости языка и сильных жестов производил сильное впечатление.

Все это можно сказать и про «Изотова». Главная разница в том, что «Садоводы» играли в камерном пространстве, а «Изотов» — форма, крупная во всем. Как и в «Садоводах», герои заняты неторопливой лирической рефлексией. Успешный писатель Изотов бросает все и уезжает с подругой из Москвы в какое-то заповедное ме-

сто под Петербургом. Могучий говорит, что поначалу хотел сделать спектакль об этом месте, которые противостоит гибнущему миру и выглядит как колыбель новой жизни. В итоге «Изотов» вполне вписался в тематику Могучего: он получился про героя, который таковым быть не может и не хочет, как это было в трех важнейших спектаклях 2000-х — «Не Гамлет», «PRO Турандот» и «ДК Ламанский».

Здесь, однако, Могучий работает не на взорванном классическом материале, а с чистого листа. Желание обновиться заметно и в кастинге: Могучий занял в спектакле премьеров фокинской труппы Виталия Коваленко, Юлию Марченко, Сергея Паршина, Семена Сытника и Аркадия Волгина, с которыми до сих пор не работал. «Свой» для него только Николай Мартон, вместе с другим корифеем Рудольфом Кульдом он играет важнейшие роли ангелов-фокусников. Спектакль и начинается с виртуозно разыгранной сцены фокусов. Дальше все страньше и страньше: попавшие на весенние закрытые прогоны «Изо-

това» сбивчиво рассказывают, что без воздуха играет на рояле Олег Каравайчук, имеется какой-то плюшевый заяц, автокатастрофа, голландцы, астронома Сергея Сергеевича все время обыгрывают в шахматы, а тела и головы героев существуют по отдельности.

«Изотова» дают на большой сцене, публика сидит в зале — последний раз Могучий использовал игровое пространство так традиционно четыре года назад. Все час сорок пять минут спектакля сцена остается практически пустой, что для режиссера, любящего вещи и вещественность, тоже довольно радикально. Фигуранты «Изотова» предстают в нематериальном, бесплотном пространстве, намеченном компьютерной графикой Александра Шишкина. Снуют ассистенты с микрофонами для актеров, картинка множится и дробится — похоже, как и обещал Могучий, «Изотов» от реализма мутировал в сюрреализм. Кто бы сомневался.

Александринский театр, с 23, 24 и 25 октября, 19.00